

Рашид Янгиров

Против течения: Николай Бердяев и его спор с «Белым Делом» о России

К началу 1930-х у Николая Александровича Бердяева (1874-1948) сложилась неординарная репутация. Вынужденный изгнанник, он пользовался высоким авторитетом у европейских интеллектуалов, но либерально-демократический лагерь эмиграции относился к нему со сдержанным недоверием, а консерваторы и монархисты – открыто ненавидели¹. Летом 1939 г., после публикации в журнале «Путь»² бердяевской статьи «Существует ли в православии свобода мысли и совести? (В защиту Г.П.Федотова)»³ газетный зоил посвятил ее автору злой пасквиль:

Он между нами. Кто тому виной?
Вот он опять, Бердяев предо мной.
Бесстыдное виденье... зев разъятый,
Язык прикушенный – библейский, бесноватый,
В отвратных корчах. Бесов легион
В его нутре, и богохульно он
Кошунствует. Ужасные для слуха
Выкликают на Святого Духа
Безумственные клеветы...
О, да, Бердяев, снова бьешься ты
В пыли дорожной, в гадком обнаженьи,
Пугающем воображеньи!
И нет Пророка на твоём пути,
Что приказал бы бесам изойти,
Освободив тебя от красной злобы,
Бесов загнать в смердящие утробы
Пасущихся вокруг откормленных свиней,
Чтоб стадо бросилось к погибели своей.
Сквозь шум падения, взметающего брызги,
Я б услышал стенания и визги,
Бессильные подняться в небеса.
И я узнал бы эти голоса:
Федотова⁴, Керенского, Скобчихи⁵, –
Кем наши дни и горестны и лихи⁶.

Сколь бы острыми ни были разногласия между ортодоксами и реформаторами православия, понятно, что не они питали музу стихотворца. За этим стояло глубокая неприязнь к независимому мыслителю и к его взглядам на судьбы России и эмиграции. Свой опыт «страшных лет России» Бердяев описал лаконично и емко: «Я пережил русскую революцию как момент моей собственной судьбы, а не как что-то извне мне навязанное. Эта революция произошла со мной, хотя бы я относился к ней очень критически и негодовал против ее злых проявлений. Мне глубоко антипатична точка зрения слишком многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников, сами же они пребывают в правде и свете»⁷.

В последней фразе – дальше, но, очевидно, болезненное для мемуариста эхо идеологического конфликта, который навсегда развел его с былыми друзьями и единомышленниками. О том, что это воспоминание не оставляло память Бердяева, говорят разные свидетельства. Например, в начале мая 1939 года жена записала в дневнике бердяевское признание: «Ты знаешь, когда нас выслали за границу, у меня было твердое решение никогда не иметь сношения с русской эмиграцией. И вот по приезде в Берлин первое же столкновение... Ты помнишь, вечером пришел к нам Струве со своими единомышленниками, и у нас возник спор, окончившийся чуть ли не скандалом...

Отношения были порваны. Вскоре после этой встречи Струве написал в “Возрождении” статьи, где обливал меня грязью...»⁸

Описывая в мемуарах берлинскую жизнь осенью 1922 года, Бердяев еще раз вернулся к этому эпизоду: «Большая часть эмиграции встретила группу высланных подозрительно и недоброжелательно. <...> Вскоре после моего приезда в Берлин произошла встреча некоторых высланных с некоторыми представителями эмиграции, принадлежавшими к так называемому белому движению. Во главе этой группы белой эмиграции стоял П.Струве, с которым меня связывали старые отношения. Со Струве я разошелся радикально и, в конце концов, мы перестали встречаться и прекратили всякое общение. <...> Встреча у меня на квартире с белой эмиграцией кончилась разгромом. Я очень рассердился и даже кричал, что было не очень любезно со стороны хозяина квартиры. <...> Я решил избегать общения с русской эмиграцией, держался больше общения с группой высланных»⁹.

По описанию одного из участников, эта встреча, прошла в ноябре или декабре 1922-го и отнюдь не Бердяев в ней солировал: «Вдруг прилетел из Праги П.Б.Струве, полный таинственной заботы, в себе скрываемой. Что-то необыкновенно важное. Для этого было собраться на квартире Н.А.Бердяева. Почему у Бердяева? Я его совсем не знал. Многие из тех, кто должен был собраться, – тоже. Но мы послушно собрались, преклоняясь перед Авторитетом Петра Бернгардовича. Значит, нужно, если он этого хочет. Собрались: Бердяев (хозяин), Струве, Шульгин, <фон> Лампе, Изгоев, Ильин (И.А.), Ландау, Ольденбург, Трубецкой (С.Е.), Бикерман, Франк и я. Тут мы поняли, в чем дело. Изгоев собирался выступить против белого движения, которое он отвергал. Струве хотел выступлению помешать, подкрепив себя другими, думающими, как он. В результате нашей беседы (все по очереди высказывались) Изгоев отказался печатать свое письмо. Струве говорил, сильно волнуясь, так что даже побледнел, но произвел сильное впечатление.

Кто-то потом верно сказал про Бердяева, Изгоева и др.:

– Они стали отвергать революцию при большевиках, т.е. в такой момент, когда революция не то, что оправдывается, а когда она – долг и жизненная необходимость»¹⁰.

Кроме названных лиц на дискуссии присутствовал и Глеб Струве, который отметил, что на ней обнаружилось «глубокие политические расхождения, определявшиеся отрицательным отношением Бердяева к Белому движению и к эмигрантскому “активизму” и, в конечном счете, в корне различным отношением к самой революции»¹¹. Струве-младшему можно доверять: он не только присутствовал на встрече, но активно посредничал в ее подготовке. Уже 9 октября 1922 г. он сообщил отцу о встрече с некоторыми из высланных и об их желании начать сотрудничество с правым лагерем эмиграции¹². Инициативу проявил С.Франк, предложивший Струве-старшему устроить общую встречу с ним, Бердяевым и Ильиным, но не в Берлине или в Праге, а в Дрездене – подальше от чужих глаз. Это предложение Г.Струве сопроводил ремаркой: «Ильин жаждет с тобой встретиться. Он из всей компании самый “правый”»¹³. В следующем письме он писал отцу: «Был на днях у Бердяевых, они все очень спрашивали о тебе. С Н.А. имел принципиальный разговор на политические темы. Он настроен в достаточной мере право (правей Франка), монархист, но о Белом движении, его значении и причинах его неудачи у него, по-видимому, превратное представление, и всякую дальнейшую вооруженную борьбу против большевиков он считает вредной. Основным вопросом он считает следующий: уясняет ли себе зарубежная Россия, что жизнь в России за эти 5 лет не стояла на месте, а шла вперед во всех отношениях, и что там проделана известная работа, что развитие и продвижение этой внутренней работы спасет Россию. Коммунизм уже умер, и Русское Государство живо. На мой вопрос, не могло ли бы все-таки удаление внешних причин содействовать протеканию внутреннего процесса, он так и не ответил. Он очень интересуется твоей точкой зрения и твоей настроенностью»¹⁴.

До поры Бердяев, занятый обустройством личного быта и организационными хлопотами¹⁵, не озвучивал своего отношения к русской современности. Лишь в конце ноября он представил его немецкому читателю – в статье о смыслах русской революции, напечатанной в газете «Berliner Tageblatt». 26 ноября Бердяев выступил на первом заседании возобновленной Религиозно-Философской Академии¹⁶ и довел свои мысли до эмигрантской

аудитории, вызвав ожесточенные, но не вышедшие на поверхность споры и дискуссии во всех общественно-политических лагерях «зарубежников». Собственно, с этого и началось идейное расхождение Бердяева с политическими лидерами эмиграции и, в частности, с деятелями «Белого дела», категорически не принявшими его независимых объективистских суждений. Вышеописанная встреча Бердяева и Струве лишь обострила конфликт и, получив публичную известность, маркировала его необратимость.

Заочной участницей этой дискуссии была и единомышленница П.Струве Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869-1962) – человек высших достоинств и разнообразных дарований, возвращенная недавно в отечественную историю после многолетнего забвения¹⁷. Наивысшей оценкой ее общественного служения следует признать шутливую, но исполненную глубокого смысла характеристику видного английского политика сэра Сэмюэля Хора, полагавшего, что «в кадетской партии был только один настоящий мужчина, и он был женщиной».

С первых дней большевистской власти А.Тыркова-Вильямс стала активной участницей «Белого дела» и впоследствии не изменила своему политическому выбору. По свидетельству сына и верного соратника Аркадия Бормана, «она всегда говорила о себе “я белая” и, когда произносила “белый офицер” или “участник белой борьбы”, то в этих словах звучала гордость». Более того, Тыркова-Вильямс была убеждена в том, что «история Белых армий лучшая страница истории России. <...> Сколько славных подвигов они совершили. Даже побежденная Белая армия – лучшая страница истории. Что осталось от русской чести без Добровольческой армии? Это была распятая трагическая красота». Ее особой заслугой была международная пропаганда «Белого дела» и привлечение к нему общественных симпатий Запада. Весной 1919 г., обращаясь к западному читателю, она писала: «Я верю, что трагические уроки неизвестной, далеко лежащей страны и безумие преступных социалистических экспериментов крайних группировок могут послужить суровым предупреждением для других народов. Они могут помочь тем, кто борется за лучшее будущее человечества и за более достойные условия жизни. Стоит только прочесть внимательно залитые кровью страницы о Русской Революции. Если они поймут наши ошибки, наши заблуждения и наши преступления и, если, избегая их, они найдут другие пути, более верные и менее жестокие, тогда мы, русские, будем иметь хотя бы то утешение, что невероятные страдания России оказались исторической жертвой, принесенной во имя лучшего будущего всего человечества»¹⁸.

Тыркова-Вильямс хорошо знала Бердяева и его творчество еще в петербургские годы, а в середине 1910-х их сблизило общее неприятие монархии и распутищины¹⁹. Среди материалов ее обширного эпистолярия сохранились свидетельства интереса к Бердяеву, относящиеся к первым же годам эмиграции. Один из безымянных информаторов Тырковой-Вильямс сообщил ей ранней весной 1922-го: «<...> видим Ник<олая> Ал<ександровича> Берд<яева> (у него философские вторники)²⁰, Зайцевых²¹, Крандиевских²²...»²³ Очевидно, откликаясь на просьбу подробнее описать жизнь московских интеллигентов и, в частности, Бердяевых, этот же информатор писал, соблюдая, разумеется, правила подцензурной осторожности: «У Никол<ая> Ал<ександровича> по-прежнему идут собеседования. Главное внимание отдается вопросам религиозным, но затрагивающим вопросы самые разнообразные. Писать подробно об этих собраниях трудно²⁴. Помимо этих философских вторников по четвергам у Бердяевых собирались русские католики (группа Лик<и>ардопуло²⁵) под председательством Лид<ии> Юд<ифовны>²⁶. Она ревностная католичка. Это частный кружок, но разработке тех же философских и религиозных вопросов были посвящены и публичные собрания “Вольной Духовной академии”, существующей официально уже третью зиму²⁷. Во главе ее стоят Бердяев, Грифцов²⁸, Рачинский²⁹. В этот сезон наиболее интересными докладами были “Христианство и теософия” Бердяева, «О книге Шпенглера “Закат Европы”» Степуна³⁰, “Магизм слова” Флоренского³¹. Были доклады о революции, о национализме, о Достоевском и другие»³².

В начале 1920-х она вместе с мужем не раз посещала германскую столицу и благодаря обширным связям была хорошо осведомлена в делах русского Берлина. Очередной ее визит

пришелся на конец-сентября – начало октября 1922 г.³³, за несколько дней до приезда туда московских литераторов и профессуры, высланных из советской России³⁴. Заинтригованная, как и все эмигранты, обстоятельствами появления этой группы на Западе и настроениями ее участников, Тыркова-Вильямс решила выяснить это у самого Бердяева и получила от него исчерпывающие объяснения, после которых продолжение переписки утратило всякий смысл для ее участников. Бердяевский ответ – недостающий конспект его объяснений с эмигрантами осенью 1922 г. и живое свидетельство независимой мысли философа, который «обманывал ожидания всех, кто рассчитывал, что он к ним примкнет. Он был и оставался человеком собственной идеи, своего искания истины»³⁵. Этот субъективный, но глубокий анализ русского вопроса замечателен еще и тем, что в нем предсказаны некоторые особенности его эволюции, подтвердившиеся в последующие десятилетия.

Эта публикация стала возможной после изучения лондонской части архива А.В.Тырковой-Вильямс, хранящегося в рукописном отделе Британской библиотеки (British Museum. Manuscript Department. H.W.Williams Papers) и архива Н.А.Бердяева, хранящегося в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф.1496. Оп.1. Ед.хр.760.). Письма публикуются по нормам современной орфографии и синтаксиса, с сохранением особенностей письменной речи ее участников; конъюнктуры раскрыты в угловых скобках. Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность британским и российским архивистам, способствовавшим нашей работе.

1.

9 Tite Street
London S.W.3

22.X.<19>22³⁶

Дорогой Николай Александрович, как мне досадно, что мы были в Берлине до Вашего приезда. Так хотелось и мне, и мужу³⁷ повидать Вас. Не знаю, поздравлять ли Вас с приездом в свободную Европу или нет?

Но я пишу Вам письмо не приветственное, а деловое. С падением Л<лойд> Дж<орджа>³⁸ у власти являются новые люди. Так как старый хитрый премьер, искусник в секретах управления и политических интриг свалился, главным образом, благодаря своей невежественной и бесцельной иностранной политике, которая ослабила Британскую империю, то в иностранной политике надо ждать перемен.

По-прежнему остро стоит Россия. Это загадка. И, если было время, когда мы, русские патриоты, противопоставляли двусмысленному заигрыванию Л<лойд> Дж<орджа> с большевиками борьбу непримиримую и вооруженную, то сейчас мы стоим голенькие. Непримируемость стала даже горше и острее, п<отому> ч<то> борьбы-то нет, нет ни оружия, ни даже орудия борьбы. Что же те-перь нам думать и делать, как ставить перед иностранцами русский вопрос? Сейчас в части англ<ийской> прессы будут особенно настойчиво требовать политического признания советского³⁹ правительства: 1) Это единственная власть, спасающая Россию из хаоса. 2) Нам нет дела до внутреннего строя России. 3) без России нельзя устраивать мировые дела и нельзя ждать, пока она заведет более приличное правительство. 4) Только путем политического и коммерческого проникновения можно оздоровить Россию. 5) Экономически Россия нужна Европе и надо первым побольше захватить здесь и наживат<ь>ся. Я излагаю все это очень резко, конечно. Обычно накладывается та или иная вуаль. Но я пишу это для краткости, чтобы Вы имели понятие о том, как ставится здесь русское дело иностранцами, главным образом, англичанами. Французы, до сих пор бывшие против политического сближения, тоже будут менять позицию.

Вы, вероятно, знаете, что мой муж всегда был среди непримиримых. Теперь мы с ним оба в раздумьи, что выгоднее для России: чтобы она подвергалась политическому бойкоту до тех пор, пока Советы не сменяются более человеческой властью, или наладить политику сближенья с русской государственностью, даже Советской? По чувству, гораздо легче продолжать первое. Но выгодно ли это для русского народа? И можно ли это рекомендовать,

когда нет ни одной активной антибольшевистской русской организации, которую можно было бы считать серьезным боевым фактором?

Очень прошу, Николай Александрович, ответить мне на эти вопросы как можно скорее и подробно. Мне хотелось бы, чтобы Вы, отвечая, имели в виду, что я могу перевести Ваше письмо и показывать его англ<ийским> политикам. Если хотите, разделите его на две части: одну для меня, другую – для более широкого употребления. Но очень важно получить скорый ответ, т<ак> к<ак> хочется, чтобы муж знал мнение русского мыслителя, только что вырвавшегося из России. Вы, наверное, слышали, что мой муж редактор иностр<анного> отдела в Times`e. Россию он любит по-прежнему и даже больше, считает нужным проверять себя русскими голосами.

Сын⁴⁰ писал, что Вы привезли с собой рукописи. О чем? Нет ли чего-нибудь для английского журнала? Хорошо бы попытаться счастья.

Всего, всего хорошего

Ваша А.Тыркова

Это письмо только для Вашего употребления. Да, еще вопрос. Если новое правительство будет за признание (это еще очень неясно), то надо ли ставить большевикам условия, и какие?

Сама думаю, что нужно усиление экономических сношений, но не политическое признание.

Адрес: Berlin, Charlottenburg, Ronkustrasse, 31-32, Partenhaus, linns, bei Frau Dahne.

Прошло больше двух недель, прежде чем Бердяев откликнулся на письмо лондонской корреспондентки:

2.

7 ноября 1922

<Берлин>

Дорогая Ариадна Владимировна!

Нелегкую задачу поставило передо мной Ваше письмо. Ответ на Ваши вопросы представляются мне очень ответственным и сложным, и потому я не сразу ответил Вам. Хотелось ответить Вам пространно, развив настоящим образом свою точку зрения, которая, по-видимому, значительно отличается от преобладающей за границей. Это время в Берлине я разорван на части и имею не менее трех заседаний в день. Поэтому мне очень трудно было сосредоточиться для такого ответственного письма. Очень-очень жалею, что не застал в Вас в Берлине. Так хорошо было бы поговорить.

Прежде всего, хочется Вам сказать, что я считаю своей миссией за границей – по мере сил отвлекать русских от исключительной поглощенности политикой и мелочной борьбой разных политических групп и обратить <их> к духовной жизни и <к> духовным интересам. И в России, и в мире должно начаться движение в измерении глубин. Достаточно уже выяснились роковые последствия исключительного движения во вне, по поверхности жизни. После военных катастроф войны и революций должно наступить духовное воскресение, или народам грозит совершенное вырождение и опустошение.

Я думаю, что не только Россия, но и Европа, и весь мир находятся в состоянии тяжелого духовного недуга, кровавого раздора и взаимной ненависти. Далеко зашло в отпадении от истинных основ жизни и в торжестве антихристианских начал. Я не верю в здоровье и прочность Европы и не жду от европейских народов исцеления нашей больной России.

На третий Ваш вопрос о том, следует ли юридически признать советскую власть, я не могу дать прямого и простого ответа. Нам не подобает советовать иностранным державам, признавать или не признавать большевистскую власть. Это их дело, и это будет определяться их интересами. Я не верю, чтобы среди иностранных держав участвовали бескорыстные друзья России. И в ответ на Ваше письмо мне только хочется сказать Вам свою точку зрения

на положение вещей. Быть может, Вы уже сами сделаете из этого выводы, которые покажутся Вам интересными.

Прежде всего, хотелось бы установить принципиальную точку зрения на большевизм и большевистскую революцию. Большевистская революция и есть настоящая революция, никакой другой революции у нас нет и быть не может. Она так же безобразна и так же зла по своей природе, как и всякая революция. Правильных и добровольных революций никогда не было и быть не может. Фран-цузская революция, нашедшая свое полное выражение в якобинстве, столь же безобразна и зла. Большевизм есть также единственный настоящий социализм, и большевики совершенно правы в своем негодующем отношении к правым социалистам, меньшевикам и социал-революционерам. Русский народ отдал себя в жертву, чтобы показать миру, как социализм ведет к безобразной карикатуре, <к> пропасти и небытию. Но большевизм нельзя подорвать внешне и механически, и потому нельзя входить во внешний и механический способ его устранения. Большевизм есть духовное явление и духовная болезнь. Эту болезнь нельзя излечить кавалерийской дивизией. Это не случайное, не внешнее для русского народа и для России явление, от которого нужно освободить Россию и народ русский, изгнав шайку разбойников. Большевизм есть внутренняя судьба русского народа, роковой этап его исторического пути. И то, что такую роковую роль играют евреи в большевистском строе, есть внутренняя судьба русского народа, есть выражение его духовной порабощенности. Мы все виновны в несчастной судьбе России и все несем ответственность за совершившуюся катастрофу. Я все время искренне думал, что должен оставаться в России и разделять судьбу моего народа, до конца выносить все испытания, оставаясь верным своей идее и своей вере.

Революция есть искупление грехов, и <это> искупление нужно принять на себя. Природа большевизма вторичная и рефлекторная. Он есть следствие, а не причина, он есть лишь отображение нашей внутренней слабости и греховности. Сила большевизма лишь во внутреннем распадении русского народа, и он поддерживается распадением и раздором народов Европы. Недостойно свободного духа рассматривать свою судьбу как находящуюся в зависимости от внешней принуждающей его темной силы. Достойнее рассматривать эту темную силу как отображение моей слабости и моего греха. Недостойно было, когда русская интеллигенция во всем считала виновным «самодержавие» и ждала лучшей жизни; так же недостойно во всем считать повинным «большевизм» и исключительно от его свержения ждать наступления лучшей жизни. Это есть рабство духа и «самодержавие» (которое, кстати сказать, совсем не было так плохо, как это рисовалось больному воображению), и «большевизм» – лишь кошмары слабого и больного духа. Революционной, т.е. внешней точке зрения на вопрос должно быть противопоставлена религиозная, т<о> е<сть> внутренняя точка зрения. Но те, которые думают, что проблема большевизма может быть разрешена исключительно военно-механическим образом, стоят на «революционной», т.е. антирелигиозной точке зрения. Вот почему я давно уже являюсь принципиальным противником всяких «интервенций» и давно уже не верю во все, идущие извне, военные способы свержения советской власти. Хотя бы это делали и сами русские. Не случайно это движение потерпело неудачу. Избавление России должно прийти изнутри самой России, из недр самого русского народа, и этому должны предшествовать духовное перерождение и обновление народа, религиозное возрождение. И я верю, что в России происходит пока еще молекулярный процесс, который должен привести ее от смерти к жизни. В России нет сейчас никаких организаций или общественных сил, которые имели бы волю к власти и могли бы принять власть. Власть коммунистов в стране, не имеющей сейчас ничего общего с коммунизмом ни по хозяйственному строю, ни по душевному укладу народа, есть единственная существующая в России государственная власть. И эта единственная власть, антигосударственная по своей идеологии и по своей практике, волею судеб принуждена нести целый ряд государственных функций. Более государство не может быть прерываемо, оно не может прекратить свое существование на 4 года или еще большее количество лет.

Моя точка зрения очень близка точке зрения великого мыслителя теократической и «реакционной» школы во Франции – Жозефа де Местра⁴¹. Ж. де Местр раскрывал

«сатанинскую» природу революций и высказал о безбожной природе всех революций самые глубокие мысли, которые когда-либо были высказаны. Например, де Местр считал, что революция послана Провидением, что через якобинцев действуют неведомые нам самим внешние силы и относился совершенно отрицательно к «эмигрантам», когда они становились на сторону европейских держав для восстановления во Франции монархии. Ж. де Местр защищал Наполеона и его миссию, хотя он был главным идеологом легитимной монархии во Франции. Он же высказал изумительно глубокое мнение о России и предсказал, что в России будет революция именно «большевистского» типа.

Мне хочется еще подчеркнуть, что большевиков всегда поддерживала и укрепляла ведущаяся извне гражданская война. Они завяли, когда гражданская война прекратилась. Этим обнаружилось их совершенное творческое бессилие. Они могли создать только «нэп», т.е. плохонький и уродливый буржуазный строй. Большевизм может существовать только под колпаком, в совершенной изоляции. Он погибнет от свежего воздуха, от взаимодействия с мировыми силами. Он лишается всякого ореола, когда прекращается всякая возможность агитации против «буржуазной» Европы, берущей измором «социалистическую» Россию. Если бы европейские державы, например, Англия, и признали советскую власть, то я не представляю себе, чтобы она могла это сделать, не поставив ряд серьезных условий. Но в обсуждение этого вопроса я не считаю возможным входить. Одно для меня несомненно: каждый русский должен твердо стоять на том, что судьба России должна быть решена самой Россией и внутри самой России, что наши грехи, наше несчастье есть прежде всего наше внутреннее дело⁴². Нравственно и религиозно я никогда не примирюсь с коммунизмом, хотя бы он победил весь мир; я убежден в том, что в коммунизме начинается царство антихриста. Но за этим стоит всераздирающая мир политическая борьба за интересы и за власть. Коммунизм есть законное порождение безбожного «буржуазного» мира и стоит на одной и той же почве; он сам «буржуазен» в глубоком смысле этого слова.

Нормальным я считаю то отношение к советской власти, которое установилось для русского человека, прожившего эти страшные годы в России и отстоявшего свою духовную свободу и идейную независимость. Необходимо чувствовать ее все время внутри России, а не вне ее. И нельзя считать, что Россия находится только за границей.

Я совсем не оптимистически, а довольно пессимистически смотрю на то, что образуется в России после того, как не будет уже коммунистов и их власти. У нас останется страшная деморализация и понизится уровень истинной духовной культуры. Будет потребность в довольно невысокой технической цивилизации. Будет задавать тон бесстыжая и наглая новая буржуазия, нажившаяся на революции. Это и показывает, что дело не в политической форме и не в большевизме в узком смысле слова. Но, в конце концов, сохранится и высокая культура духа, будет реальное возрождение и там будет настоящая Россия. Меня интересует культурная работа, духовное общение с Европой, но я хотел бы быть свободным от всех политических воздействий. Жизнь для мира – наша судьба.

В Берлине у нас есть разные начинания. Проектируем русский народный институт⁴³, проведение исследований и преподавание знаний о России. Теперь изыскиваем средства для осуществления этой идеи. Кроме того, у нас уже образован религиозно-философский кружок⁴⁴. Для начала у меня есть много материалов, есть и статьи. Хочу издать их на иностранных языках.

Привет Гарольду Васильевичу.

Ваш Николай Бердяев⁴⁵

Письмо это не политическое и Вы можете его кое-кому показать⁴⁶.

3.

Kensington 763
9, Tite Street, Chelsea, S.W.3

11.XII.<19>22 г.

Дорогой Николай Александрович,

когда Деникинская армия, в которой было немало подлинных рыцарей духа (о негодях не стану говорить) оказалась выброшенной из русской жизни – разбитой, бессильной и внутренне сломанной, я пережила в Новороссийске черные дни⁴⁷. Не только потому, что кругом было море страданий и мерзости, что лучшие гибли, а худшие выплывали, что над всеми этими лохмотьями людскими всесильная царила вошь, но главное, потому что я поняла – самое больное для России еще впереди. Еще не изжит угар, а м<ожет> б<ыть>, вернее сказать, еще не прошло дьявольское наваждение. Ясно было – напущена на Россию мора, и началась она незаметно до большевистской революции, но и до «мартовской», и все мы ее напускали.

С тех пор так называемая политика, т<о> е<сть> споры между милюковцами и анти-милюковцами, эсерами и большевиками, желание тех и других объявить себя Учредилкой (тоже своего рода живая церковь) – все это волнует меня отдаленно и тупо. Я хочу России свободной от большевиков. Я их ненавижу всей душой, но я давно поняла, что они – следствие многолетнего искривления русских мозгов, главным образом, интеллигентских. Для меня самый основной и страшный вопрос: может ли их дьявольская энергия пройти душу русскую всю насквозь, подчинить ее интернациональной «смердяковщине»? Что экономически, а значит когда-нибудь и политически Россия их сбросит, это мне представляется неизбежным. Но какова будет эта Россия?

Оттого я всей душой и радуюсь деятельности Вашей и Ваших единомышленников, и огорчаюсь, что вы все не там.

Было там и холодно и голодно, и не мне, серой, не знавшей этих лишений, казалось бы, жалеть, что Вы не в голодной России. А все-таки жалко.

Простите, что раньше не писала. Письмо Ваше пришло, когда я была больна. Я ему порадовалась и как дружескому голосу и потому, что, переживая по-разному русскую смуту, мы, как будто, во многом сходимся. Муж Вам очень кланяется и жалеет, что в Берлине не удалось повидаться. Разве весной попадем.

Всего хорошего Вам и, если могу быть чем-нибудь полезна, напишите.

Ваша А.Тыркова.

---

¹ Ср.: «Несмотря на свою международную популярность, Бердяев никогда не мог отделаться отощущения, что его не понимают» (*Бахрах А.* Кламарский мудрец. В кн.: *Он же.* Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям. М. 2005. С.421).

² Непериодический журнал «Путь. Орган русской религиозной мысли» выходил под редакцией Н.Бердяева в Париже в 1925-1940 гг. (вышел 61 номер). Бывший слушатель философа полагал, что «в журнале обнаруживаются веяния нового духа, новой эпохи, эпохи расцвета творческой мысли в богословии и религиозной философии. Такое настроение способствовало отходу от консервативно-смирненного образа мышления, от ветхозаветной антропологии <...>, от узкого религиозного национализма, – и приводило к выходу во Вселенское православие, в активное православное жизненное дело» (*Оболенский А.* Предисловие в кн.: Путь. Указатель авторов, предметов рецензий к журналу / Сост. А.П.Оболенский // Записки Русской Академической группы в США. New York. 1986. С.5).

³ Путь. 1939. №59 (февраль-апрель).

⁴ Федотов Георгий Петрович (1886-1951) – историк-медиевист, религиозный философ.

⁵ Имеется в виду Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (по второму мужу – Скобцова; в монашестве – мать Мария; 1891-1945) – поэт, философ, публицист, религиозная и общественная деятельница; в 1920-е – секретарь Религиозно-Философской академии, открытой Бердяевым в парижском пригороде Кламар. О ней см.: *Бердяев Н.* Памяти монахини Марии (Скобцовой) // Вестник РХД (Париж). 1965. №78.

Мария Скобцова и ее статья «О подражании Богоматери», опубликованной в вышеуказанном номере «Пути». А.Ф.Керенский был редактором парижского двухнедельника «Новая Россия» (1936-1940), а указанные лица – его деятельными сотрудниками.

⁶ *Горянский В.* Бердяеву // Возрождение (Париж). 1939. 16 июня. Публикации предварялась утверждением: «Бердяев в “Пути” поносит православие и восхваляет революцию».

⁷ Цит. по: *Бердяев Н.* Самопознание. М. 1990. С.210 (далее цитаты – по этому же изданию с указанием стр.).

⁸ Цит. по: *Бердяева Л.* Профессия: жена философа. М. 2002. С.171. Ошибка памяти Бердяева: издание газеты «Возрождение» началось в июне 1925 г., а П.Струве был ее редактором в 1927-1928 гг. и оставил этот пост после конфликта с издателем А.Гукасовым.

⁹ *Бердяев.* С.229-230.

¹⁰ *Чебышев Н.* Скитания. 1922 // Возрождение (Париж). 1934. 22 марта.

¹¹ Цит. по: *Мейер Г.* «Возрождение» и «белая идея» // *Возрождение. Общественно-политический тетради* (Париж). 1955. №42-44 (август). С.378.

¹² Ср.: «Состоя из лиц, изгнанных советским правительством не за политические действия и даже не за политические убеждения, а во исполнение плана “срезать головки интеллигенции и общественности”, изгнав из России представителей культуры и независимой мысли, – группа высланных в своем объединении совершенно аполитична и совершенно терпима к убеждениям отдельных членов» (<Б/п.> Высланы из России // *Дни* (Берлин). 1922. 29 октября. Выделено нами).

¹³ Письмо Г.П.Струве П.Б.Струве от 9 октября 1922; Берлин-Прага; Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5912. Оп.1 Ед.хр.112. Л.35).

¹⁴ Письмо Г.П.Струве П.Б.Струве от 16 октября 1922; Берлин-Прага (Там же. Л.37).

¹⁵ Ср.: Группа высланных «не распалась и не расплылась в эмиграции и продолжает поддерживать между своими членами связь, созданную общностью участи. Первой и естественной скрепой является общность ближайших нужд: поиски квартир, хлопоты о праве проживания в Берлине, заботы о материальном положении, об устройстве детей в учебные заведения. Единодушное желание без сторонней помощи разрешить вопрос материального существования вызывает целый ряд проектов организации издательств, открытия ряда курсов, даже основания высшего учебного заведения в Берлине» (<Б/п.> Высланы из России // *Дни*. 1922. 29 октября).

¹⁶ Ср.: «Собрание открыл председательствующий Н.А.Бердяев. В своем вступительном слове он говорил “О духовном возрождении России и задачах Религиозно-Философской Академии”. Далее выступил С.Л.Франк по вопросу “Религия и философия”. Вместо заболевшего И.А.Ильина выступал проф. А.П.Карсавин. Все доклады имели успех» (*Дни*. 1922. 25 ноября). См. также: <Б/п – Г.Антонович?> Русская религ<иозно>-Философск<ая> Академия в Берлине // *За Свободу!* (Варшава). 1922. 1 декабря. См. также биографическую хронику Бердяева этого периода: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/berd_chr.html

¹⁷ О ней см.: *Ракитин А.* Жизнь Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс // *Возрождение. Общественно-политические тетради* (Париж). 1962. №123; *Борман А.* А.В.Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн – Вашингтон. 1964; *Политические деятели России. 1917. Биографический словарь.* М. 1993. С.325-326; *Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь.* М. 1997. С.635-637; *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918-1940. Писатели русского зарубежья.* М. 1997. С.393-395.

¹⁸ Из авторского предисловия к книге «От свободы к Брест-Литовску» (Лондон. 1919). Цит. по: *Борман А.* Указ. соч. С.161-162.

¹⁹ См. об этом: *Герцык Е.* Воспоминания. Париж. 1973. С.132 (Далее – Герцык с указанием стр.).

²⁰ Ср.: «В течении всех пяти лет моей жизни в России советской, у нас в доме в Малом Власьевском переулке собирались по вторникам <...>, читались доклады, происходили собеседования. Это, вероятно, было единственное место в Москве, где собирались и свободно разговаривали. Мы очень дорожили этой традицией. <...> На наших Вторниках перебивали самые разнообразные люди, принадлежавшие к самым противоположным направлениям, от социал-демократов – меньшевиков до людей консервативного образа мыслей, бывали православные, католики, антропософы, старообрядцы, свободомыслящие социал-демократы. Доклады читались на очень разнообразные темы, но всегда в духовной углубленности. <...> Преобладали темы по философии истории и философии культуры. <...> Мы продолжали наши собрания до самой моей высылки из России» (*Бердяев Н.* Самопознание. С.218). Ср. также: «Бердяев жил не прежней жизнью в тесной среде писателей-одиночек. Он – основатель Волной Академии Духовной Культуры, читает лекции, ведет семинары, избран в Университет, ведет и там какой-то курс. Окружен доцентами. О политике не говорят – успокоились, устроились, только иногда кто-нибудь свысока улыбнется новому декрету» (*Герцык*. С.133).

²¹ Зайцев Борис Николаевич (1881-1972) – писатель; его жена Вера Алексеевна (урожд. Орешникова; в первом браке – Смирнова; 1877; 1878?-1965) – дочь известного археолога, хранителя коллекций Исторического музея. Получив от советских властей отпуск на лечение за границей, 8 июня 1922 г. Зайцевы отправились поездом в Берлин, а оттуда уехали в Италию.

²² Крандиевский Василий Афанасьевич (1861-1928) – журналист, издатель; его жена Крандиевская (урожд. Тархова) Анастасия Романовна (1868-1938) – литератор. Их старшая дочь Наталья Васильевна (1888-1963) – поэтесса, вторая жена А.Н.Толстого (1914-1935); младшая дочь Надежда Васильевна (1890-1963) – скульптор.

²³ Письмо из Москвы; б/д (весна 1922). – British Museum. Manuscript Department. H.W.Williams Papers. Add. Ms. 54440. P.52. Далее – ВМ).

²⁴ Ср. с отзывом бывшего единомышленника Бердяева М.Гершензона в письме к Л.Шестову (23 апреля 1922 г.; Москва-Берлин): «Бердяевы живут по-прежнему, и недурно; <...> он много пишет — написал за эти годы, кажется, 5 больших книг; и по-прежнему у них по вторникам “церковно-приходские журфиксы”, так я их прозвал, — с докладами на темы мистические, церковные и национальные. Я с ним при встречах обмениваюсь парой слов, и только. <...> Наши мысли уже очень далеко разошлись, мы, вероятно, обо всем мыслим противоположно» (цит. по: Гершензон М.О. Письма к Льву Шестову (1920-1925) / Публ. А.д’Амелиа и В.Аллоя // *Минувшее. Исторический альманах.* Вып. 6. Париж. 1988. С.255).

²⁵ Ликиардопуло Михаил Федорович (1883-1925) – переводчик, журналист, критик и драматург, один из ведущих участников кружка московских символистов 1900-х годов. К тому времени его в столице уже не было: в 1917-м он уехал по журналистским делам в Стокгольм, а потом в Лондон.

²⁶ Бердяева (урожд. Трушева) Лидия Юдифовна (1871-1945) – с 1904 г. подруга, жена философа, прозаик и поэтесса-любительница (псевд. Лидия Литга). В июне 1918 г. она перешла в католичество и устраивала на своей квартире регулярные встречи членов московской католической общины (круг о. В.Абрикосова). Ее дневниковые записи эмигрантского периода (1934-1945), а также поэтические опусы см. в: *Бердяева Л.* Профессия: жена философа. М. 2002.

²⁷ В начале 1918 г. на квартире Бердяева (Б.Власьевский переулок, д.14, кв.3), в которой он жил с сентября 1916-го до высылки в сентябре 1922-го, была учреждена Вольная Академия духовной культуры (ВАДК), получившая официальный статус от советских властей в сентябре 1919 г. На ее собраниях выступали с лекциями А.Белый, В.Иванов, С.Франк, Ф.Степун и сам Бердяев. В рамках деятельности Академии устраивались публичные лекции, семинары, чтение докладов и их обсуждение и т.п. Ср.: «Я был инициатором образования Вольной академии духовной культуры, которая просуществовала три года (19-22 годы). Я был ее председателем, и с моим отъездом она закрылась. Это своеобразное начинание возникло из беседований в нашем доме. Значение Вольной академии духовной культуры было в том, что в эти тяжелые годы она была, кажется, единственным местом, в котором мысль протекала свободно и ставились проблемы, стоявшие на высоте качественной культуры. Мы устраивали курсы лекций, семинары, публичные собрания с прениями. <...> Публичные доклады мы устраивали в помещении Высших женских курсов, лекции и же семинары в разных местах, обыкновенно в каких-нибудь советских учреждениях, в управлении которых были знакомые» (*Бердяев. С.221*).

²⁸ Грифцов Борис Александрович (1888-1950) – художественный критик, переводчик, литературовед; один из основателей ВАДК.

²⁹ Рачинский Григорий Алексеевич (1858-1939), философ, переводчик и литератор.

³⁰ Степун Федор Августович (1884-1965) – философ, историк, социолог, литератор, публицист, мемуарист. Этот доклад лег в основу статьи «Освальд Шпенглер и Закат Европы». Ср.: «Прочитанный мной доклад собрал много публики и имел очень большой успех <...>. Книга Шпенглера <...> с такою силою завладела умами образованного московского общества, что было решено выпустить специальный сборник посвященных ей статей. В сборнике приняли участие Бердяев, Франк, Букшпан и я. По духу сборник получился на редкость цельный. <...> За две недели разошлось десять тысяч экземпляров» (*Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Лондон. Т. II. С.275-279).

³¹ Флоренский Павел Александрович (1882-1937) – ученый, религиозный мыслитель, богослов.

³² Письмо из Москвы; б/д <весна?> 1922. – ВМ. Add. Ms. 54440. P.124). Ср.: «Я читал лекции по философии истории и философии религии, а также вел семинар о Достоевском. Мои лекции и семинар послужили основой для моих книг. Посещаемость моих лекций и семинара была хорошая. <...> Я говорил всегда свободно, нисколько не маскируя своей мысли. Так же свободны были прения после публичных докладов. Особенный успех имели публичные доклады в последний год. На трех докладах (о книге Шпенглера, о магии и мой доклад о теософии) было такое необычайное скопление народа, что стояла толпа на улице, была запружена лестница, и я с трудом проник в помещение и должен был объяснить, что я председатель» (*Бердяев. С.221-222*). Ср. также с эмигрантским сообщением: «У нас все действует Академия духовной культуры. Там читают доклады и участвуют в беседах все те же – Бердяев, Флоренский, С.М.Соловьев, Вышеславцев, Степун и др. Но публика, прежде равнодушная к этим беседам, теперь валом валит. Иногда невозможно бывает проникнуть в зал: такая толпа» (<Б/п.> Из московского письма. Начало июня // Руль. 1922. 29 июня).

³³ Ср.: «Тыркова-Вильямс <...> виделась здесь с генералом Кутеповым и он ей очень понравился. А сотрудник “Руля” не нашел ничего лучшего, как разговаривать с Кутеповым об еврейском вопросе» (письмо Г.П.Струве П.Б.Струве от 30 сентября – 2 октября 1922; Берлин-Прага. – ГАРФ. Ф.5912. Оп.1. Ед.хр.112. Л.32).

³⁴ См. об этом: *Осоргин М.* Как нас уехали. Юбилейное // Последние Новости (Париж). 1932. 28 августа.

³⁵ *Бахрах А.* Указ. соч. С.421.

³⁶ Вверху листа карандашная помета, оставленная Н.А.Бердяевым: «Mrs. Williams».

³⁷ Вильямс Гарольд Уитмор («Гарольд Васильевич», 1876-1928) – британский славист, автор исследований по истории и культуре России, политический публицист, близкий к консервативной партии, с 1906 г. второй муж А.Тырковой. Будучи корреспондентом ведущих британских повременных изданий, он прожил в России с декабря 1904-го до весны 1920 г. См. о нем: *The Cheerful Giver. The Life of Harold Williams by his wife Ariadna Tyrkova-Williams.* London. 1935 (См.: *Чебышев Н.* Друг России. Жизнь Гарольда Вильямса // Возрождение (Париж). 1936. 2 мая (рец.).

³⁸ Ллойд Джордж Дэвид (1863-1945) – британский политический деятель, лидер либеральной партии, с 1916 г. – премьер-министр. 19 октября 1922 г., т.е. за три дня до письма Тырковой он подал в отставку со своего поста. О ее отношении к этому политику см.: *Cheerful Giver... P.257-259.*

³⁹ Вписано вместо зачеркнутого – *большевистского.*

⁴⁰ Борман Аркадий Альфредович (1891-1974) – сын А.В.Тырковой-Вильямс от первого брака, журналист, многолетний соратник матери в политической борьбе, в 1950-е – сотрудник радиостанции «Голос Америки», мемуарист. В начале 1920-х годов он подолгу жил в Берлине по делам политической работы.

⁴¹ Местр Жозеф, де (Maistre, Joseph de) (1753–1821) – французский философ, писатель и политический деятель, в 1803–1817 гг. – министр-посланник короля Сардинии при дворе российского императора. В Петербурге он написал свои главные политологические и философские сочинения, на которые ссылается Бердяев: «Опыт о

движущем начале политических установлений» (1814); «Санкт-Петербургские вечера, или Земное правление провидения» (1821) и др. О нем см.: *Бердяев Н. Жозеф де Местр и масонство // Путь. 1926. №4.*

⁴² С этой оценкой сходилась и Н.О.Лосский. Отвечая А.Тырковой-Вильямс, по-видимому, на аналогичные вопросы, заданные ею тогда же, что и Бердяеву, он отвечал: «Прожив пять лет под игом большевизма, мы ясно видим, что он не может быть побежден внешними механическими средствами (война, восстания, политические убийства). Для претворения его в нечто, сколько-нибудь приемлемое необходима, между прочим, работа в средней и высшей школе (наполненной теперь молодыми людьми из малокультурных низов народа). Поэтому мне было очень тяжело (да, кажется, и большинству изгнанных) уезжать из России как раз теперь, когда физически живется несколько легче и поэтому легче работать в школе. Однако для личной нашей судьбы освобождение из пасти зверя, по-видимому, есть счастливая случайность» (письмо Н.О.Лосского А.В.Тырковой-Вильямс от 29 декабря 1922 г.; Берлин – Лондон; ВМ. Add. Ms.54441. P.258-259).

⁴³ См. анонс об открытии Русского университета в Берлине: Дни. 1922. 29 октября. Бердяев возглавил одно из отделений университета и был членом его Ученого совета; преподавал несколько учебных дисциплин, в частности, читал популярный у студентов курс по истории русской мысли, вел научные семинары и т.п.

⁴⁴ Имеется в виду Религиозно-Философская Академия.

⁴⁵ На листе помета, оставленная А.В.Тырковой-Вильямс: «Отв<ечено> 11.12. <1922>».

⁴⁶ British Museum. Manuscript Department. H.W.Williams Papers. Add. Ms. 54441. P.269-270.

⁴⁷ Речь идет о крупнейшем военном поражении Добровольческой армии на юге России: после разгрома на Дону в конце февраля 1920 г., ее части отступили к Новороссийску, откуда в конце марта сорокатысячный Добровольческий корпус эвакуировался в Крым.